

Серия «Клуб страха»

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ-РОЧЕСТЕР

В ЦАРСТВЕ ТЬМЫ

ОККУЛЬТНАЯ ТРИЛОГИЯ

Ростов-на-Дону

«Феникс»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)1-4
КТК 653
К85

Крыжановская-Рочестер, Вера.

К85 В царстве тьмы : оккультная трилогия / Вера Крыжановская-Рочестер. — Ростов н/Д : Феникс, 2023. — 413 с. : ил. — (Клуб страха).

ISBN 978-5-222-38860-0

«В царстве тьмы» — оккультная трилогия Веры Крыжановской-Рочестер о судьбе девушки Мэри, в чью жизнь неумолимо вторглись злоеющие потусторонние силы. В таинственном шотландском замке, где правят законы иного мира, а под покровом ночи скользят тени призраков, вампиров и колдунов, жизнь и душа девушки находятся в постоянной опасности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)1-4

ISBN 978-5-222-38860-0

© Оформление: ООО «Феникс», 2022
© Иллюстрации: И. Иванов, 2022
© В оформлении обложки
использованы иллюстрации
по лицензии Shutterstock.com

Вера Крыжановская-Рочестер

Книга первая

ГРОЗНЫЙ ПРИЗРАК

Глава I

— Садись, Нита, и подожди немножко. Через пять минут я закончу письмо и буду в твоём распоряжении, — сказал Михаил Михайлович Суровцев, указывая жене кресло около стола и снова принимаясь за писание.

Анна Петровна села, взяла со стола газету и стала рассеянно пробегать ее глазами.

Это была красивая женщина лет тридцати восьми, с темными большими бархатистыми глазами и густыми волосами. Тонкое изящество костюма и роскошь обстановки кабинета свидетельствовали о богатстве семьи. Михаил Михайлович раньше был помещиком, но затем, продав имения, он пустился в различные предприятия и теперь занимал видное положение в финансовом мире.

Запечатав письмо и написав адрес, он закурил сигару, откинулся в кресло и сказал улыбаясь:

— Теперь говори, Нита, на полчаса я вполне принадлежу тебе.

— Слава богу! Обыкновенно потеряешь терпение, карауля минуту, чтобы говорить с тобою о делах семьи, — ответила Анна Петровна с не совсем довольным видом. — Я хочу посоветоваться насчет Мэри. Как тебе известно, из-за моей поездки с кузиной Ольгой в Виши мы решили отправить Мэри и Наташу с м-ль Эмили и няней к твоей сестре, в деревню. Но ведь поместье маленькое, в захолустье, соседи ничего не представляют собой да и живут довольно далеко... значит, ясно, что Мэри будет там не особенно весело. Совершенно неожиданно я получила сегодня утром во многих отношениях приятное приглашение для нее, но не хочу ничего решать без твоего совета. Была у меня баронесса Козен, мы говорили с нею о планах относительно лета, и Анастасия Андреевна сказала, что уезжает в свой замок около Ревеля. Узнав же, что мы отправляем Мэри в деревню, она просит отпустить к ней девочку на два месяца,

уверяя, что та не соскучится, потому что у них множество соседей. Что ты думаешь об этом, Миша? Как я уже говорила, дело это имеет свою выгоду. Баронесса много принимает, а кроме того, поблизости от нее будут жить двое молодых людей, которые, по-видимому, интересуются Мэри. Моряк Поль Норденскиольд гостит у бабушки, близкой соседки Козен. Это красивый юноша, со средствами и на хорошей дороге. Затем и Эрик Раутенфельд проводит лето в своем имении около Ревеля. Это тоже хорошая партия: он дипломат, богат и с хорошими связями. Мэри восемнадцать лет, и пора пристроить девочку, а у баронессы оба эти претендента встретят ее. Может быть, что-нибудь и выйдет?

Суровцев задумчиво покачал головой.

— Ты права, Нита! Соображения твои очень заманчивы, и я не имел бы решительно ничего против них, если бы не Вадим Викторович... Двусмысленная или, вернее, недвусмысленная роль его в доме баронессы коробит меня, и я не знаю, право, удобно ли сблизать Мэри с таким семейством.

Анна Петровна на минуту задумалась.

— Конечно, с одной стороны, ты совершенно прав, Миша. Отношения Вадима Викторовича с баронессой — секрет Полишинеля, но наружно приличия вполне соблюдены, а я считаю Мэри слишком чистой натурой, чтобы подозревать истину. Вспомни только, что Вадим Викторович — друг барона, и притом он врач, а благодаря этому вдвойне охраняет вверенную ему семью. Доктор временно состоит опекуном детей, и этим вполне объясняются его слишком частые и продолжительные посещения.

— Все это прекрасно, но, между нами говоря, глупо было со стороны барона отправиться путешествовать по Индии. Уже более двух лет он отсутствует, обрекая жену на вдовство, а баронесса еще во цвете лет: ей с небольшим тридцать пять, и близость такого красивого и умного человека, как доктор Заторский, представляет большую опасность.

— Полно! После пятнадцатилетнего супружества, имея дочь тринадцати лет и сына одиннадцати лет, можно вполне успокоиться и, не ставя мужу рогов, позволить ему осуществить мечту всей его жизни: посетить Индию, эту страну чудес, — насмешливо возразила Анна Петровна. — Впрочем, барон предлагал жене поехать с ним, но та отказалась, предпочитая, вероятно, общество Вадима Викторовича. О, прелестный доктор очень мил, так добросовестно исполняя возложенную на него другом обязанность! Ха-ха-ха!

— Помимо этого, для меня загадка: каким образом Заторский, во всяком случае умный и замечательно образованный человек, мог заинтересоваться таким ничтожеством, как баронесса. Он мог найти что-нибудь получше.

— Несомненно, но мы отделились от предмета: как ты решишь насчет Мэри? Я обещала баронессе дать ответ сегодня вечером, посоветовавшись с тобой. Можно ли, не обижая твоей сестры, изменить наши намерения?

Суровцев подумал с минуту.

— Отпусти Мэри. Надеюсь, что в присутствии молодой девушки у Анастасии Андреевны хватит ума не выставлять напоказ свои отношения с доктором. Ты права, говоря, что надо пользоваться случаем пристроить девочку, а у Вали она действительно скучала бы смертельно. Однако мне пора, меня ждут в совете бельгийского общества, я едва успею доехать.

Спешно поцеловав жену и взяв портфель, он вышел. Анна Петровна тоже ушла из кабинета и по коридору направилась в помещение дочери, состоявшее из двух комнат: розового будуара, наполненного редкими цветами и драгоценными безделушками, и спальни. Тут стены были обтянуты белым, мебель крыта белым шелком, а постель и туалет отделаны кружевами. Перед большим зеркалом стояла сама хозяйка и оглядывала себя, пока горничная заканчивала ее туалет.

Мэри Суровцева отличалась редкой красотой. Это была стройная девушка, грациозная, как мотылек. Фарфоровую белизну ее лица еще ярче оттеняли иссиня-черные волосы. Она унаследовала от матери бархатистые глаза, но у нее они были еще больше и с иным выражением. Взгляд Анны Петровны был ясный, веселый и спокойный, а в темных глазах Мэри светились гордость, энергия и пылкая душа, в глубине которой должны были таиться страсти, если жизненным испытаниям суждено будет пробудить их. Пока, впрочем, это был наивный ребенок, поглощенный в эту минуту единственно своим нарядом и с удовольствием любовавшийся своим пленительным образом. На мгновение мать с любовью и гордостью взглянула на нее, а потом спросила:

— Еще не уехала, дитя мое? А ты разве не опоздаешь на шоколад к своей подруге?

— Нет, мама, у меня еще минут двадцать времени, да и м-ль Эмили еще не готова. Петя придет сказать, когда автомобиль будет подан.

Но ты хочешь что-то сообщить мне? Я вижу по твоим глазам, мамочка. В таком случае садись на диван, а я тебя слушаю.

Девушка придвинула табурет и села, бережно расправляя складки платья и косясь на свое отражение в зеркале. Мэри признавала свою красоту и всегда была не прочь полюбоваться собою. Ее снисходительная мать с улыбкой следила за ее уловками.

— Я хочу сообщить свежую новость, которая, надеюсь, доставит тебе удовольствие. Баронесса Козен предлагает тебе провести два месяца в ее замке около Ревеля, а так как у милой тети Вали порядочно скучно, то папа разрешил мне за тебя принять это приглашение.

Глаза Мэри радостно вспыхнули.

— О! Как вы добры оба, папа и ты! Благодарю, благодарю! Я очень люблю тетю Валю, но конечно, мне будет гораздо веселее у доброй, очаровательной баронессы.

— Несомненно, замок ее, как говорят, один из самых любопытных, даже как исторический памятник, и кроме того, она много принимает. Ты даже встретишь там знакомых: Эрика Раутенфельда и молодого Норденскиольда, родственника барона. Оба они ухаживают за тобою, и это совсем не испортит дела: мне казалось даже, что Павел Федорович тебе нравится.

Заметив, что Мэри покраснела, Анна Петровна с улыбкой прибавила:

— Ты знаешь, дорогая, что мы с папой предоставляем тебе полную свободу выбора, а оба жениха — люди вполне порядочные и представляют прекрасную партию. Но повторяю — ты сама должна решить свою судьбу.

— Милая мамочка, Эрик Оскарович не нравится мне: он напыщенный, сухой и холодный, а взгляд у него пронизывающий. Нет-нет, он не герой моего романа, я предпочитаю скорее Норденскиольда. Хотя мне кажется, что к тому, за кого выходить замуж, я должна питать иное чувство. Как знать, дорогая мама? Может быть, человек, которому суждено покорить мое сердце, мне еще не встретился, — заключила она смеясь. Шумное появление мальчика лет тринадцати-четырнадцати, в форме кадета, прервало разговор. Это был брат Мэри, собиравшийся с нею на день рождения их общей подруги детства. Петя объявил, что автомобиль у подъезда, а м-ль Эмили готова и ожидает их в прихожей.

— До свидания, дорогие мои. Веселитесь хорошенько, — сказала Анна Петровна, когда молодежь поспешно уходила, унося подарки: футляр с кольцом и коробку конфет.

Тем же вечером баронесса Козен сидела в будуаре в большом собственном доме на Сергиевской, где занимала целый этаж. Она небрежно проглядывала французский роман.

Комната была большая и обтянута изумрудно-зеленым шелком, с атласной того же цвета мебелью. В углублении, образовывавшем фонарь и выходявшем на улицу, стояли на возвышении два кресла и стол, на котором красовались в хрустальной вазе фиалки и нарциссы, наполняя помещение чудным ароматом. Стены украшали дорогие картины, а редкие растения в больших японских вазах оживляли роскошную комнату, ярко освещенную электрическими лампами.

Хозяйка этого прелестного уголка была женщиной средних лет, высокой и худой, но ширококостной, что придавало ее фигуре нечто увесистое и массивное. Лицо у нее было приветливое, свежее и очень белое, а большие темные глаза можно было бы назвать даже красивыми, не страдай они отсутствием выразительности, как и все лицо, в котором не проглядывало ни ума, ни доброты; оно оживлялось только в минуты гнева. Тем не менее это была хорошенькая женщина, а пышные ярко-рыжие волосы, составлявшие редкий контраст с темными глазами, придавали ей что-то своеобразное, пикантное. Баронесса была нарядно одета, и на руках, державших книгу, сверкали бриллианты, но короткие, толстые пальцы были грубы, как и большая, выглядывавшая из-под платья плоская ступня, которая, несмотря на шелковый чулок и изящную туфлю из золотистой кожи, лишена была и тени чего-либо породистого.

Впрочем, Анастасия Андреевна была действительно довольно темного происхождения. Отец ее, мелкий чиновник какого-то министерства, обремененный многочисленной семьей и с очень ограниченными средствами, прозябал чуть ли не в нищете. Старшая из детей, Настя, выросла почти в бедности, приучена была к строжайшей бережливости и была вынуждена помогать матери как по хозяйству, так и в уходе за остальными детьми. По достижении восемнадцати лет она научилась печатать на машинке и уже своим трудом содержала себя. Лет в двадцать, благодаря счастливой случайности, она нашла работу у барона Козена, археолога-любителя, очень богатого человека; ему тогда было лет тридцать шесть. Как случилось, что Насте удалось возбудить страсть

в бароне, перестукивая на машинке его ученые писания, — осталось тайной. Но в результате Козен женился на ней, а она даже через пятнадцать лет замужества еще не утратила влияния на него. Поистине было поразительно, что такой умный, даже ученый человек мог увлечься ограниченной, пошлой женщиной. Впрочем, есть немало примеров, подтверждающих, что для возбуждения чувственности мужчины особенного ума от женщины вовсе не требуется...

Добившись наконец независимости и богатства, которого жаждала, Настя быстро преобразилась: забыв нищету детства и юности, забыв время, когда не на что было купить шляпу и приходилось закладывать в ломбарде тряпье, она стала швырять деньгами и накупала без разбора все, что попадалось на глаза. Особенно не жалела она ничего на туалеты, а так как в своем узком умишке воображала, что все дорогое должно быть непременно хорошо, то и наряды ее, несмотря на их изумительные цены, зачастую оставляли желать лучшего со стороны вкуса и изыска. В одном, впрочем, осталась у нее скарденность со времен бедности: в мелочной придирке к расходам по хозяйству, которую она из тщеславия старалась скрыть перед знакомыми, желая блистать, особенно перед людьми, менее обласканными судьбой.

Когда первый угар страсти миновал, барон вернулся к своим научным занятиям, а пресытившаяся и свикшаяся уже с богатством Анастасия Андреевна начала скучать, находя своего «ученого мужа» довольно унылым. Наружно, однако, она высказывала серьезную любовь и неустанно сообщала направо и налево, что муж без ума от нее, а единственной ее соперницей является страсть барона к археологии и путешествиям.

Анастасия Андреевна не обладала никакими талантами: она не пела, не рисовала и вообще не интересовалась искусством, в отличие от большинства светских женщин. Бесчисленные часы досуга она посвящала лишь заботам о тряпках и чтению бульварных романов, разжигавших ее воображение. Она стала мечтать о пикантных приключениях и пожелала завести возлюбленного — обычное утешение праздной женщины без нравственных устоев. Однако пока еще ее удерживал некоторый страх, и она не рисковала осуществить свою прихоть. Первый случай к исполнению ее затеи представился ей благодаря одному путешествию.

Спустя примерно год после рождения второго ребенка барон отправился в Египет и взял с собой жену. Вначале для Анастасии Андреевны это была настоящая пытка: невежественная и ограниченная, она нисколько не интересовалась чудесными памятниками и древними

сокровищами земли фараонов и думала, что умрет от скуки. На выручку ей явилось ухаживание немецкого туриста: она затеяла с ним флирт, увлекательный уже из-за сопряженного с ним риска и удавшийся как нельзя лучше. Барон был уверен в добродетельности жены и занят мумиями, а потому не видел, что проделывали живые, и ничего не подозревал. Баронессе же пришлось по вкусу тайные авантюры, и она не преминула завязать новые интрижки. Одна из них, впрочем, чуть не закончилась бедой и заставила ее быть впредь осторожнее. Для сына, которому тогда было шесть лет, она пригласила учителя-англичанина, а для девочки — молоденькую бонну-француженку. Англичанин был молод и красив, а у Анастасии Андреевны вдруг явилось непреодолимое желание учиться английскому языку. Уроки шли превосходно, пока бонна-француженка не положила им конец. Она пользовалась уже расположением англичанина и раньше, нежели тот понял, что нравится хозяйке дома, а потому закатила баронессе такую сцену ревности, что той пришлось расчитать обоих учителей. К счастью для нее, скандал разразился во время отъезда барона. Анастасии Андреевне пришлось быть осторожнее, и она придумала менее опасную игру. Она была не умна, но хитра, особенно когда дело касалось ее интересов. У нее были поклонники, настойчиво ухаживавшие за нею и безумно влюбленные в нее; она же только потешалась над ними. Более прежнего выставляла она напоказ любовь к мужу с детьми, и это обстоятельство удерживало злоязычников. Барон же был так наивен, что ему и в голову не приходило в чем-либо заподозрить жену и поближе присмотреться к обожателям, сопровождавшим баронессу на гулянья и в театр. Так проходила жизнь, и рядом с прекрасной Анастасией Андреевной всегда вертелись сострадательные люди, готовые утешить очаровательную молодую женщину, «одинокую и брошенную мужем», который был всегда поглощен своими учеными трудами.

Года за три перед тем произошел некий эпизод, положивший конец всем мимолетным флиртам и воспламенивший сердце баронессы сильной и упорной страстью.

Барон опасно заболел, и к нему пригласили молодого врача, уже пользовавшегося некоторой известностью. Доктор имел репутацию строгого и добросовестного человека, врага женщин и всяких удовольствий, всецело преданного науке и больным. С первого взгляда на него баронесса была точно поражена: ей показалось, что она еще никогда

не видела такого красивого и интересного человека, а его холодная сдержанность и равнодушный взгляд еще больше взвинтили ее.

«Он должен быть моим. Никто не нравился мне так, как он», — решила Анастасия Андреевна.

С этого дня началась упорная и умелая атака, постепенно приближавшая ее к намеченной цели. В полумраке комнаты больного разыгрывались сцены утонченного кокетства: в пеньюарах, превосходивших ценою бальные туалеты, с наитрогательнейшей самоотверженностью проводила баронесса ночи у постели больного мужа, едва уделяя время необходимому отдыху. Когда болезнь, казалось, усиливалась, она упрямилась доктору оставаться иногда даже на ночь, и тот уступал, когда прекрасные темные глаза, полные слез, устремлялись на него с мольбой. Эти совместные бдения и ужины с глазу на глаз их сближали и устанавливали связь, которая должна была подчинить молодого доктора.

Барон был спасен, и это почти чудесное исцеление сразу создало доктору известность. Никого не удивляло, хотя больной и поправлялся уже, что врач был ежедневным гостем, и его свидания с Анастасией Андреевной с глазу на глаз в будуаре за чайным столиком продолжались по-прежнему. Поддавшийся баронессе доктор Заторский уже засматривался на нее, а та была пуще прежнего соблазнительна в откровенно домашних платьях и почти не скрывала кипевших в ней чувств. Наконец разыгралась решительная сцена.

Однажды вечером вставший уже с постели барон вместе с секретарем приводил в порядок накопившуюся за время болезни корреспонденцию, когда доктор после недельного отсутствия появился в будуаре. Баронесса, уже несколько дней терзаемая сомнением и ревностью, вскочила с места и бросилась ему навстречу; пылавшие щеки, дрожавшие губы, выражение глаз — все явно выдавало ее чувства.

— Почему вы не были целую неделю? — пробормотала она сдавленным от волнения шепотом.

Вадим Викторович провел рукой по лицу и ответил вполголоса:

— К чему лгать? Я хочу сказать вам, что буду являться как можно реже, потому что... мне предписывает долг честного человека.

Анастасия Андреевна глухо вскрикнула от радости и схватила руку доктора.

— Да говорите же... Скажите, правда ли то, что, казалось, я прочитала в ваших глазах? Неужели мне выпало высшее блаженство быть любимой вами?

— Да, — прошептал Заторский задыхаясь.

В ту же минуту две руки обвилися вокруг его шеи, к губам прильнули пылавшие уста. Ослепленный на мгновение страстью, он прижал к груди эту трепетавшую от любви женщину, но затем порывисто оттолкнул ее от себя и спросил нерешительно:

— Вы любите меня? Ведь вы же любите вашего мужа!..

— Я любила его, пока не увидела вас... и продолжаю питать к барону смешанное чувство уважения, дружбы и благодарности, потому что он вырвал меня из нужды. Но сердце мое встрепенулось, только когда я увидела вас и поняла, что такое любовь: это божественное чувство, заставляющее все забывать.

Какой мужчина, не особенно ослепленный собственными достоинствами, не будет польщен, выслушав подобное признание? Это не просто «успех» — ПЕРВОМУ возбудить истинную страсть в душе женщины, бесспорно молодой и красивой, но уже бывшей двенадцать лет замужем, которая не нашла своего идеала до встречи с ним, несмотря на жизненный опыт. Это не легкая победа над наивным сердцем молодой девушки, еще открытым и готовым воспринять всякие впечатления... Заторский был побежден. Труженик, ученый, до той поры он испытывал лишь легкие любовные похождения, а эта страсть к чужой женщине ослепила его, заставила забыть свои принципы и совесть.

Под влиянием чувственной и развратной женщины он на время сделался таким же циником, как и его современники. Однако в основе честность внушила ему мысль заставить любовницу развестись с мужем и жениться на ней. Но Анастасия Андреевна была слишком осторожна и практична, чтобы променять свою роскошную жизнь «большой барыни» на гораздо более скромное существование. Поэтому она отвергла предложение возлюбленного под тем будто бы предлогом, что чувства признательности и преданности не допустят ее нарушить спокойствие мужа таким громким разрывом, и дело на том остановилось. Доктор остался только «другом дома».

Барон, бесконечно признательный спасшему ему жизнь человеку, искренне привязался к нему и всюду восхвалял, обеспечивая ему тем самым приток богатых клиентов, и смотрел на молодого врача как на члена семьи. В свою очередь Вадим Викторович широко воспользовался столь выгодным положением: он стал другом и поверенным обоих детей, засыпал их подарками и конфетами и, постоянно заменяя занятого своими трудами барона, всюду сопровождал Анастасию Андреевну.

В конце концов он забросил почти всех своих знакомых, отдавая свое время лишь больным и семье барона. Такое положение тянулось уже год, как вдруг случилось неожиданное событие.

Барон отправился в Лондон для участия в археологическом конгрессе. Там, исследуя доставленную незадолго до того партию древностей, Козен познакомился с молодым индусом и его приятелем, русским князем Алексеем Елецким, родных которого барон хорошо знал.

Его новые знакомые намеревались вернуться в Индию для изучения оккультизма и производства раскопок и предложили барону присоединиться к ним. Предложение было слишком заманчиво, чтобы страстный археолог мог устоять, и он согласился, однако по возвращении домой Козену с трудом удалось убедить жену в необходимости этой поездки.

Хотя в душе Анастасия Андреевна была рада его отъезду, но притворялась огорченной и обиженной предстоящей разлукой. Роль свою она исполняла так искусно, что барон уехал убежденный в серьезной любви жены и поклялся ради ее спокойствия давать знать о себе как можно чаще. Так как путешествие предполагалось продолжительным и сулило множество опасностей, барон перед отъездом написал завещание. Жене он оставлял солидный капитал, а Вадима Викторовича назначил временным опекуном детей, прося того охранять его семью в качестве врача и друга.

Влюбленные чувствовали себя превосходно: муж сам простер покровительственную руку над их тайной связью и обеспечил доктора веским предлогом для частых посещений.

Вначале все шло хорошо и приличия сохранялись, но баронесса, будучи неуравновешенной, ревливой и страстной натурой, несмотря на личину лицемерия, позволила себе выходки, которые скомпрометировали ее. Весьма скоро не одна только прислуга, но и знакомые стали недвусмысленно переглядываться и усмехаться по этому поводу, а в обществе доктора называли человеком потерянным и считали, что ему никогда не удастся вырваться из цепких ручек своей зрелой возлюбленной.

Таково было положение дел, и мысли, обуревавшие баронессу, пока она нетерпеливо перелистывала книгу, были, по-видимому, не из приятных.

Несмотря на то что связь с доктором тянулась уже более трех лет, страсть ее не остывала. Между тем она замечала, что он изменился и, очевидно, пресытился ею. Ее мучила злоба. Наружно все оставалось

по-прежнему. Вадим Викторович посещал исключительно ее дом, терпеливо подчинялся ее тиранической, почти грубой власти, но она тем не менее чувствовала, что он ускользает от нее. Вдруг баронесса вздрогнула, услышав в соседней комнате твердые и легкие шаги, и через минуту на пороге будуара появилась высокая фигура мужчины.

Несколько бледное лицо его с правильными чертами было строго и спокойно, густые черные волосы были коротко острижены, а в больших, стального цвета серых глазах под густыми ресницами светились ум и сила.

Баронесса бросила книгу, кинулась навстречу вошедшему и хотела обнять его, но тот резким досадливым движением отбросил протянутые руки и подвел ее к стулу.

— Боже мой, как вы неосторожны! Сколько раз я просил вас беречь изливание нежностей для закрытых дверей. Какой бы был скандал, войди кто-нибудь из детей или слуг! — заметил он вполголоса.

Баронесса густо покраснела, и губы ее дрожали от злости, когда она отвечала:

— Прежде ты не был так осторожен. Дети могут войти, только когда я их позову; что касается слуг, так недостает только того, чтобы я стеснялась их.

— Да я-то стесняюсь! О нас и так слишком много говорят в обществе, и мне уже начинают действовать на нервы двусмысленные взгляды и насмешки! — возразил Вадим Викторович, опускаясь в кресло и закуривая. Его лицо чуть вспыхнуло от неудовольствия. — Ах, право, я желал бы, чтобы барон скорее вернулся... А теперь прошу вас или позвать детей, или пойдите к ним. Лиза очень бледна, — прибавил он, нарушая тягостное молчание.

— Да у нее ничего нет, незначительная простуда, вот и все, — сердито заметила баронесса, стремительно поднимаясь и направляясь в детскую.

Краснощекий мальчуган-крепыш и худенькая, хрупкая, бледная девочка бросились к доктору и стали ласкаться к нему.

— Наконец ты приехал, дядя Вадим. Целую неделю тебя не было видно, и когда я спрашивал по телефону, твой Яков всегда отвечал, что тебя нет дома.

— Это правда. У меня было несколько серьезных больных, и вообще, я был занят, — ответил Вадим Викторович, усаживаясь на диван между мальчиком и девочкой.

Дети, очевидно, любили его: они без умолку болтали, усердно угощая доктора миндалем в сахаре и фруктами, а поездка в Ревель была главной темой разговора.

— Когда ты приедешь к нам, дядя Вадим? — спросила девочка.

— Я буду приезжать каждую пятницу вечером и оставаться до утра понедельника, а в июле приеду недель на шесть. Я очень утомлен и хочу отдохнуть.

Болтая с детьми, Вадим Викторович исподлобья наблюдал за баронессой. Мрачно насупившись, она кусала губы и не вмешивалась в разговор: злость из-за полученного отпора еще не улеглась в ней.

— А вы, баронесса, одобряете наши планы и согласны оказать мне столь продолжительное гостеприимство? — спросил Вадим Викторович, наклоняясь и целуя лежавшую на столе руку Анастасии Андреевны.

Баронесса слегка просветлела.

— Конечно, конечно, мы будем рады вам. Только, милый доктор, захватите с собой лучшее расположение духа. Нервы ваши истрепались, и порой я не узнаю вас.

— Вы правы, я стал нервен и несносен. В деревенской тишине и на свежем воздухе я поправляюсь.

— Это будет вам очень легко: сад — огромный, море — в двух шагах, и есть лодки для катания. Кроме того, будут гости: хорошенькая Мэри Суровцева и тетка мужа, Елена Орестовна... Кстати, она очень остроумная женщина. Надеюсь, такое общество будет вам приятно.

— Для партии в карты — несомненно, — засмеялся доктор.

Появление слуги с докладом о приезде каких-то дам прервало разговор.

Глава II

Был вечер в начале июня, за несколько дней до отъезда баронессы в имение около Ревеля, где она рассчитывала пробыть до конца сентября.

Анастасия Андреевна сидела в будуаре в обществе доктора Заторского. Они только что окончили чай, который пили вдвоем, так как дети с гувернанткой были в Павловске у знакомых и должны были вернуться только в одиннадцать часов. Под предлогом проверки счетов баронесса увела возлюбленного к себе. Двери были заперты, а потому

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГРОЗНЫЙ ПРИЗРАК

Книга первая

Глава I	6
Глава II	17
Глава III	26
Глава IV	36
Глава V	50
Глава VI	64
Глава VII	76
Глава VIII	87
Глава IX	102
Глава X	114
Глава XI	128
Глава XII	141

В ШОТЛАНДСКОМ ЗАМКЕ

Книга вторая

Глава I	162
Глава II	174
Глава III	184
Глава IV	198
Глава V	218
Глава VI	231
Глава VII	245
Глава VIII	258
Глава IX	273

ИЗ ЦАРСТВА ТЬМЫ

Книга третья

Глава I	290
Глава II	310
Глава III	330
Глава IV	348
Глава V	368
Глава VI	383
Глава VII	396

Литературно-художественное издание

16+

В ЦАРСТВЕ ТЬМЫ
Оккультная трилогия

Ответственный редактор *А. Васько*
Выпускающий редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз.

Импортер на территории ЕАЭС: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в Турции. Дата изготовления: 11.2022. Срок годности не ограничен.

Изготовитель: «Билнет Матбаацилик Ве Яиницилик А.С.»
(BILNET MATBAACILIK VE YAYINCILIK A.Ş)
Адрес: Дудулла Орг. Сан. Болг. 1 кад: 16,
Есенкент Умранье, Стамбул, Турция, 34776
(Adres: Dudullu Org. San. Bölğ. 1 cad: 16,
Esenkent Ümraniye, Стамбул, Турция, 34776)
по заказу и под контролем ООО «Феникс»